

Засодимский Павел Владимирович

**Из детских лет.
Воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Из детских лет. Воспоминания / Засодимский Павел Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 42 с.

ISBN 978-5-519-85845-8

ISBN 978-5-519-85845-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

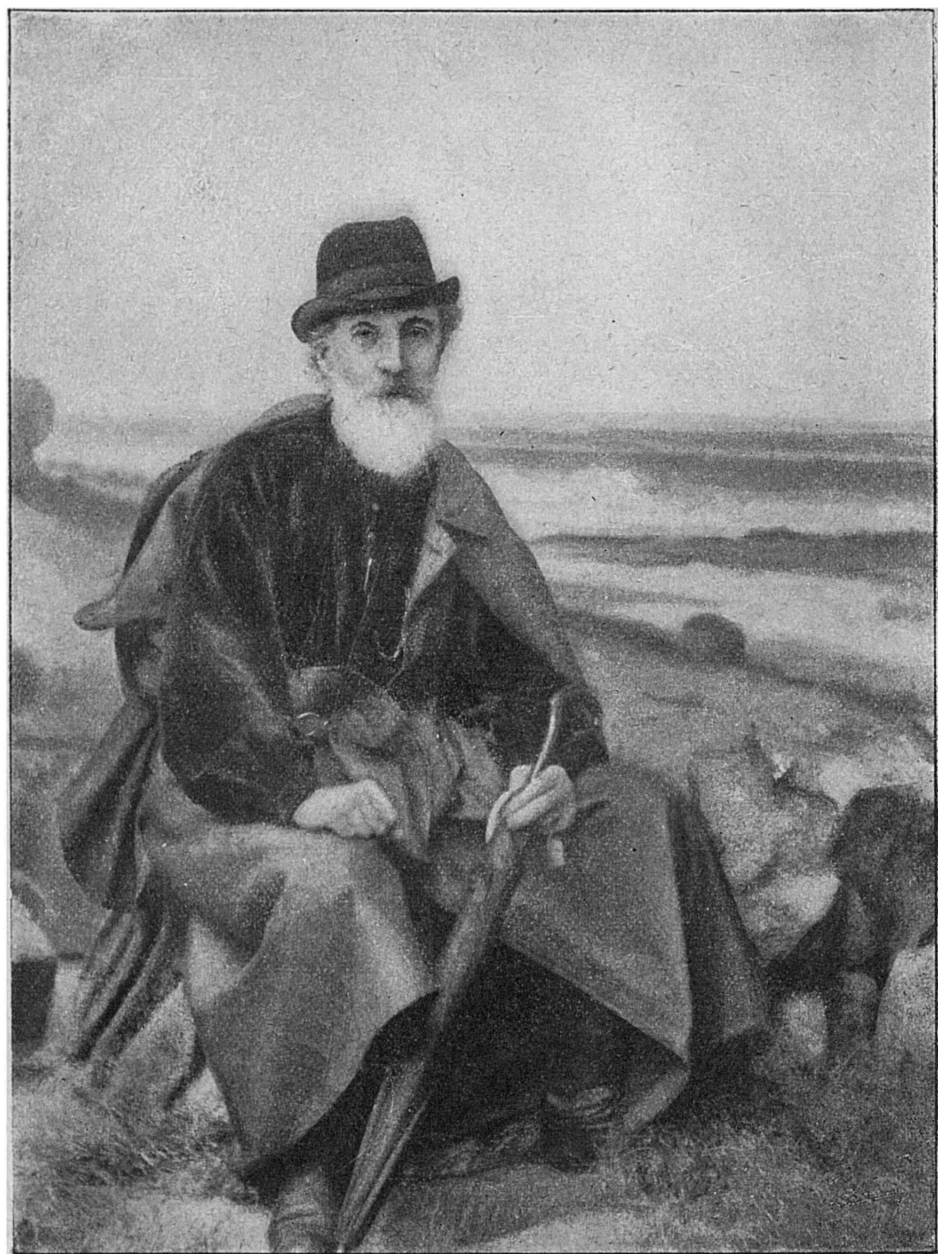
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ЛѢТЪ.



П. В. Засодимскій.



Изъ дѣтскихъ лѣтъ.

(Воспоминанія).

„Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ,
Тамъ алыя розы, красуясь, цвѣтутъ...“
„Лалла-Рукъ“, Мура.

I.



тецъ мой жилъ въ Никольскѣ, Вологодской губерніи. По дѣламъ службы онъ пріѣхалъ съ моей матерью въ Великій Устюгъ. Здѣсь я и родился ночью 1 ноября 1843 г.

Ночь, по рассказамъ отца, была темная и бурная. Въ это время отца не было дома: онъ возвращался изъ уѣзда и поздно вечеромъ

приѣхалъ на берегъ рѣки. За нѣсколько дней передъ тѣмъ стояли сильные морозы, и рѣка Сухона, протекающая подъ городомъ, покрылась льдомъ, но затѣмъ случилась оттепель, ледъ взломало, и переправа прекратилась. „Если бы ночь была не такая мглистая и дождливая, — говорилъ отецъ, — я могъ бы видѣть освѣщенные окна нашего дома“. Отецъ уже зналъ, что мать моя была больна, и очень беспокоился о ней.

Онъ сталъ упрашивать лодочниковъ перевезти его въ городъ. Лодочники отказывались. Было совсѣмъ темно, и во мракѣ на всемъ протяженіи рѣки, сколько могъ глазъ охватить, видны были льдины, какъ чудовищные призраки, съ глухимъ шумомъ несшіяся по темнымъ волнамъ и уносившіяся въ далекое Бѣлое море. Наконецъ изъ среды лодочниковъ нашлись смѣльчаки и взялись за 25 рублей перевезти отца. Тутъ началась геройская или, вѣрнѣе сказать, безумно-дерзкая переправа, гдѣ на каждомъ шагу отцу моему и лодочникамъ грозила гибель.

Гдѣ было можно, плыли на веслахъ, а гдѣ весла оказывались бесполезными, пускали въ ходъ шесты и отпихивались ими отъ налетающихъ льдинъ. Приходилось лавировать между льдинами, то возвращаться назадъ, убѣгая отъ вѣрной смерти, то быстро двигаться впередъ, пользуясь открывшимся свободнымъ пространствомъ. Нѣсколько разъ студеныя волны хлестали черезъ бортъ утлой лодки; не одинъ разъ лодку затирало льдомъ.

Разсказывая объ этой переправѣ, отецъ, я помню, со вздохомъ говорилъ: „Жутко мнѣ

было... Охъ, жутко!.. Я уже не разъ каялся, что соблазнилъ своими деньгами этихъ бѣдняковъ и повелъ ихъ вмѣстѣ съ собой на смерть!.. “Полтора часа они боролись впотьмахъ съ напивавшимися льдинами, съ волнами и вѣтромъ. Ступивъ на берегъ, эти люди скинули шапки и перекрестились, смотря на темное небо (и, я думаю, на тотъ разъ они помолились отъ всего сердца).

Когда отецъ, иззябшій и промокшій до нитки, пришелъ домой около часу ночи, ему объявили, что у него родился сынъ. Родился я...

Четырехъ мѣсяцевъ меня увезли изъ Великаго Устюга въ Никольскъ, гдѣ и прошли первые девять лѣтъ моей жизни. Никольскъ въ ту пору былъ маленькій, глухой городокъ, затерявшійся посреди лѣсовъ,—однимъ словомъ, такой милый городокъ, до котораго, по словамъ Гоголя, „хоть три года скачи — не доскачешь“. При мнѣ, помню, съ улыбкой говаривали: „Дальше нашего Никольска и почта не ходитъ!“ Слыша такія рѣчи, я тогда представлялъ себѣ, что тамъ, за Никольскомъ, за этими зелеными, дремучими лѣсами былъ уже край свѣта. Я въ ту пору еще не учился географіи и поэтому разсуждалъ такъ: „Если дальше и почта не ходитъ, значитъ, дальше уже ничего нѣтъ, — такъ себѣ что-то, пустое мѣсто, туманъ“... И мнѣ чрезвычайно хотѣлось заглянуть за эти темные, дремучіе лѣса и посмотреть, каковъ край свѣта...

Вотъ что прежде всего я помню: прекрасное, безконечно доброе лицо моей матери въ рамкѣ русыхъ волосъ и ея кроткіе, ласковые глаза,

темно-голубые, какъ ясное лѣтнее небо. Это—мое первое и самое лучшее воспоминаніе.

Рядомъ съ этимъ милымъ, свѣтлымъ образомъ я помню другое, дорогое для меня, добродушное старческое лицо, съ морщинами, съ сѣрыми глазками, съ толстой, нѣмного отвисшей нижней губой и съ неизмѣннымъ темнымъ платкомъ на бѣлокурыхъ, сѣдѣющихъ волосахъ. Это—моя няня, Марья Тарасьевна.

Я помню мою дѣтскую—свѣтелку съ однимъ окномъ и съ лѣстницей внизъ. Изъ окна были видны дворъ, огородъ, часть сада, сарай, далѣе,—рѣка, а за рѣкой вѣчно-зеленые еловые и сосновые лѣса. Смотря изъ окна, я часто думалъ: „Что-то скрывается тамъ, вдали, за этими лѣсами?“—и мои дѣтскія мечты населали невѣдомый для меня міръ различными фантастическими образами... И эти хвойныя деревья, сосны и лохматые ели, бывшія у меня постоянно передъ глазами во дни ранняго дѣтства, ярко запечатлѣлись въ моемъ живомъ дѣтскомъ воображеніи и навсегда остались моими любимыми деревьями. Гдѣ бы я ни увидѣлъ ихъ, я всегда имъ радъ и смотрю на нихъ, какъ на своихъ старыхъ друзей. Самый красивый ландшафтъ безъ сосенъ или безъ елей теряетъ для меня половину своей прелести...

Меня рано укладывали спать, а поэтому я и вставалъ ранымъ-рано. Иногда, выспавшись, я поднимался еще ночью. Помню, бывало, зимой, когда было еще совсѣмъ темно и въ домѣ всѣ спали, я уже лежалъ съ открытыми глазами и ворочался на своей маленькой кровати. Нако-

нецъ, соскучившись, я будилъ Тарасьевну и начиналъ заговаривать съ ней. Нянѣ, само собой, очень не нравились эти ночные разговоры.

— И что тебѣ не спится? Полунощникъ!— зѣвая и крестясь, говорила она недовольнымъ тономъ.— Спи, батюшка! Спи, Господь съ тобой.

Но все напрасно... У меня уже ни въ одномъ глазу не было сна, и поэтому я норовилъ продолжить пріятные разговоры.

— Ну, спи же, спи!—кряхтя и охая, уговаривала меня няня.—Теперь всѣ спятъ... только волки не спятъ, бѣгаютъ по лѣсу...

И Тарасьевна сама, противъ моего желанія, давала поводъ къ дальнѣйшему разговору. Волки, бѣгающіе ночью по лѣсу, представляли тогда для меня такую заманчивую картину, что она уже вполне овладѣвала моимъ дѣтскимъ воображеніемъ. Лѣсъ былъ за рѣкой, тутъ же у меня передъ глазами... Я вскакивалъ съ постели, бѣжалъ къ окну и, забравшись съ ногами на стулъ, принимался смотрѣть въ окно.

Въ ночномъ сумракѣ передо мной смутно рисовались деревья въ инеѣ, крыши сараевъ, покрытыя снѣгомъ, снѣгомъ занесенные плетни, рѣка, бѣлѣвшая подъ снѣжной пеленой, а за рѣкою темной полосой мерещились лѣса. И страшно и пріятно мнѣ было всматриваться въ таинственную глубь этихъ лѣсовъ... Подолгу я смотрѣлъ на лѣсъ,—надѣялся увидеть тамъ волковъ, но не видалъ ихъ. Пока нянька тихо дремала, моя дѣтская легкокрылая фантазія

живо работала и уносила меня далеко - далеко...

— Няня! Въдь у волковъ глаза блестятъ?— спрашивалъ я.

— Блестятъ, батюшка... горятъ, какъ свѣчки! — заплетающимся языкомъ отвѣчала няня: она уже знала по горькому опыту, что если прикинется спящей и не отвѣтитъ мнѣ, то я все равно не дамъ ей покою и пристану къ ней со своими волками, „какъ банный листь“, по ея выраженію.

— И зубами они щелкаютъ... вотъ такъ? — продолжалъ я, щелкая зубами.

— Да, батюшка... и зубами щелкаютъ!

И волки, шмыгающіе по лѣсу, все живѣе и живѣе начинаютъ рисоваться моему воображенію. Припоминаются обрывки чего-то слышаннаго, отрывки сказокъ или полусказочныхъ бывальщинъ, видѣнныя картинки... Нянька, наконецъ, принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію разговоровъ. Ее, бѣдную, сонъ одолѣвалъ, и она уже намѣревалась напугать меня, полагая, что для достиженія цѣли всѣ средства пригодны...

— А ежели какія дѣти не спятъ, такъ волки подбѣгаютъ къ дому...—мрачнымъ, зловѣщимъ тономъ начинаетъ няня.

— И уносятъ дѣтей!—довольно равнодушно заканчиваю я уже знакомый мнѣ рассказъ.

— Да! И уносятъ!—съ сердцемъ подтверждаетъ Тарасьева.

— Ну, къ намъ волкъ не заберется!—со вздохомъ облегченія говорю я.—Двери у насъ заперты, въ прихожей Василій спитъ...



Няня отъ негодованія фыркаетъ себѣ подъ ность, отворачивается отъ меня и, повернувшись на бокъ, сердито молчитъ. Ея печальный разсказъ „о волкѣ, уносящемъ мальчика“, съ теченіемъ времени пересталъ производить на меня устрашающее впечатлѣніе; я уже не разъ слышалъ его, но волковъ ни разу и въ глаза не видалъ... Эти ночныя сидѣнья у окна и разговоры о томъ, что теперь, ночью, происходитъ въ лѣсу, имѣли для меня какую-то особенную прелесть и очарованіе.

Иногда, помню, дѣло кончалось тѣмъ, что я просилъ у няни поѣсть. У нея на этотъ случай всегда былъ гдѣ-то припрятанъ кусочекъ пирога. Я забирался на кровать и ѣлъ, а потомъ, юркнувъ подъ одѣяло, снова мирнымъ сномъ засыпалъ до утра...

Рѣка Югъ, протекавшая передъ окномъ моей дѣтской свѣтелки, была рѣка не особенно широкая, но глубокая и очень быстрая. Весной рѣка оживлялась... На берегахъ ея появлялись склады бревенъ, дровъ; изъ бревенъ составлялись плоты; строились барки, спускались на воду и нагружались хлѣбомъ, льномъ, дровами, бочками дегтя и смолы.

Помню свѣтлый весенній день. Окно дѣтской открыто. Въ комнату врывается свѣжій воздухъ, пропитанный запахомъ сырой земли и перво-весенней растительности. Солнце заливаетъ комнату. На дворѣ слышно неумолкаемое чириканье воробьевъ. Въ саду, на вѣтвяхъ березъ, едва опушенныхъ зеленью, грачи съ шумомъ суетятся надъ своими гнѣздами. Съ берега до меня доносится какой-то смутный